

ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ФАКТ САМОХАРАКТЕРИЗАЦИИ СУБЪЕКТА РЕЧИ*

Е.Ю. Медведев

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье делается попытка доказать, что высказывание характеризует не столько то, о чем говорится, сколько самого говорящего. Автор показывает механизм возникновения иронии, процесс разрушения говорящим высоких смыслов и то, как это может быть связано с особенностями мировоззрения говорящего.

Ключевые слова: высказывание, самохарактеризация, ложная ирония, истинная ирония, оценка, утверждение, мировоззрение.

Каждый человек видит вокруг себя действительность, которая существует объективно. Но можно ли сказать, что все мы видим эту действительность одинаково? Очевидно, нельзя. «Граница субъективного... и объективного не дана нашему сознанию отчетливо, и, вследствие этой ее размытости, мы, будучи вполне уверены в реальности воспринимаемого нами, не знаем или, во всяком случае, не знаем ясно, что именно в воспринимаемом реально» [8].

Появляется закономерный вопрос: неужели мы вообще не можем рассчитывать на объективное познание действительности? Можем. В частности, той сферой человеческой деятельности, в которой вырабатываются и теоретически систематизируются *объективные* знания о действительности, является наука.

Но знание возникает только в результате восприятия. Познавательная деятельность человека направлена на предметы, явления, процессы материального и духовного мира. Их отражение образует некое «содержательное поле», которое как бы внеположено нашему «Я», противостоит ему. Но в то же время «Я» так или иначе «входит» в это «содержательное поле», которое является оперативным полем «Я».

В зависимости от конкретного содержания этого поля оперативные возможности «Я» могут быть весьма значительными или минимальными, но они всегда в той или иной степени реализуются, указывая на активность сознательного акта [3].

Возьмем, к примеру, закон земного притяжения, который существует *объективно*. В восприятии и анализе этого явления роль нашего личностного «Я» минимальна, поскольку любой человек опишет действие этого закона примерно так:

* Рец. проф. О.И. Валентинова (РУДН); проф. Л.В. Екшембеева (КазНУ им. аль-Фараби, Казахстан).

«Если я подпрыгну, то обязательно приземлюсь». И никто не сможет описать его иначе, например, так: «Если я подпрыгну, то улечу в открытый космос». Потому что закон гравитации, хотим мы того или нет, оказывает одинаковое воздействие на каждого человека, вне зависимости от нашего сознания.

Совершенно иначе обстоит дело с духовной стороной жизни. Ее отличие от физической состоит в том, что она не дана от рождения, не обусловлена биологическими процессами. Духовная сторона человека формируется в процессе социализации, и духовный опыт сугубо индивидуален.

Вследствие этого в восприятии процессов духовного мира (субъективной реальности, связанной с психикой человека) роль персонального «Я» весьма значительна.

Попробуем показать это на примере высказываний разных людей об одном и том же объекте. В качестве объекта выступает книга выдающегося философа и богослова отца Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах».

Теодицея — это «оправдание Бога», общее обозначение религиозно-философских доктрин, стремящихся согласовать идею «благого» и «разумного» божественного управления миром с наличием мирового зла, «оправдать» это управление перед лицом темных сторон бытия [7].

Павел Александрович Флоренский вошел в историю мировой философии как человек с уникальным типом мышления — антиномичным мышлением, которое признает одновременно правомерными все внешне противоречащие друг другу суждения.

Мы проанализировали рецензии на эту книгу [5] и обнаружили, что труд П.А. Флоренского получил очень противоречивую оценку современников, вплоть до противоположной (см. рис.).

Рис. Оценки объекта

Например:

епископ Феодор (Поздеевский): *«Как теодицея книга отца Павла может удовлетворить самый требовательный вкус, изощренный в философии и богословии».*

Сравним:

Н.А. Бердяев: *«К сожалению, нужно сказать, что у свящ. Флоренского эстетизм не всегда сопровождается хорошим вкусом. Местами безвкусна духовная риторика языка этой книги...».*

Как мы видим, разные люди отзываются об одной и той же книге по-разному. Но почему так происходит? Вероятно, что столь противоречивая характеристика вызвана различием критериев, на которых основывается оценка.

Если Феодор Поздеевский дает положительную характеристику книги по одному критерию, а Н.А. Бердяев — отрицательную характеристику по другому критерию, то мы как люди, предположим, не читавшие труд П.А. Флоренского, могли бы вывести свое, третье мнение об этой книге, подобно тому, как горячая и холодная вода при смешивании образуют теплую воду.

Но вот незадача: как быть, если оценки *разные* даны по *одному* критерию? Сравним:

Критерий оценки:

нужность (важность) оцениваемой книги для читателей

«Думается, что ее [книгу] *будут читать с интересом* и люди богословски образованные, и философствующие, и просто интеллигентные».

(Епископ Феодор (Поздеевский))

«Книга свящ. Флоренского *никому не нужна*, она лишь документ души, от себя убегающей».

(Н.А. Бердяев)

Или:

Критерий оценки:

творческая свобода автора оцениваемой книги

«Но автор везде *остается свободным* от подавляющего влияния этого научного багажа; он везде творец и хозяин».

(Епископ Феодор (Поздеевский))

«А свящ. Флоренскому так чужд, так *неведом дух свободы*».

(Н.А. Бердяев)

Можно ли считать эти высказывания объективными? Очевидно, нет. Потому что объективности можно добиться, если описывать объект исходя из свойств самого объекта. Однако в приведенных высказываниях нет цитат из текста, подтверждающих позицию говорящих. Речь субъекта связана с объектом опосредованно, и, следовательно, выражает *субъективную* оценку.

Кроме того, подчеркнем, что в приведенных примерах объект оценивается разными людьми *по одному и тому же критерию*. И поскольку оценки даны не просто разные, а *взаимоисключающие*, они, если можно так выразиться, «нейтрализуют» друг друга, подобно тому, как щелочь и кислота при смешивании «отменяют» действие друг друга или плюс один на минус один в сумме дают ноль.

В результате о труде П.А. Флоренского мы не узнали ничего.

Но зато мы можем узнать, что *важно* для говорящего об этой книге.

Субъективные высказывания оценочны. А оценка — это особая форма мысли, при которой «объективный мир членится говорящим с точки зрения его [говорящего] ценностного характера — добра и зла, пользы и вреда, истины и неистины, красоты или безобразия, допустимого или запретного и т.д.» [4].

Получается, что оценка «продиктована» *не свойствами* самого оцениваемого объекта, а *субъективной* ценностной шкалой говорящего.

Иными словами, основой оценки является определенное мировоззрение говорящего, которое включает в себя представления человека о себе самом, об окружающей действительности, его идеалы и ценности. Говорящий имеет в своем со-

знании определенный эталон, от которого и происходит отсчет «хуже»/«лучше» при оценивании кого-то или чего-то.

Рассмотрим это на примере:

Епископ Феодор (Поздеевский):
«...все — и частное, и основное в христианстве — *с необыкновенной ясностью* выявляется в своем высшем смысле и единстве».

Н.А. Бердяев:
«...свящ. Флоренский написал изысканную стилизованную книгу для многих, *малодоступную и малопонятную*».

Н.А. Бердяев охарактеризовал книгу Флоренского как «малодоступную» и «малопонятную». Но это высказывание не является объективной характеристикой самой книги. Из этой оценки можно сделать вывод лишь о том, что книга священника Флоренского является «малодоступной» и «малопонятной» именно для Бердяева.

Рассмотрим еще один пример:

«Искусственно *стилизованные* и ядовитые цветы „православной теодицеи“ для ищущих высшей точки жизни ныне обладают ценностью лишь от противоположного»;
«Но от этой *стилизованной простоты, стилизованной тихости, стилизованного смирения* веет жуткой мертвенностью».

Стилизация — это придание произведению искусства характерных черт какого-нибудь определенного стиля, подражание с целью воспроизведения форм какого-нибудь стиля [6].

Таким образом, для Бердяева переживания Флоренского, описанные в теодицее, не являются подлинными, истинными. Исходя из оценки Бердяева, в книге Флоренского есть *подражание простоте* (но не сама простота), *подражание тихости* (но не сама тихость), *подражание смирению* (но не само смирение).

Кроме того, слово *смирение* (сознание своих недостатков, слабостей, сочетающееся с отсутствием гордости, высокомерия) [6] в сочетании со словом «стилизованное» утрачивает свой сакральный смысл. Подобное высказывание можно интерпретировать как иронию.

Ироничны, как нам кажется, и следующие слова Бердяева: «*Книга свящ. Флоренского — замечательная книга. Ее упадочный дух не сразу и не легко распознается*».

Это высказывание фактически содержит несколько утверждений:

1) книга упадочна по духу (*упадочный* — ‘свойственный эпохе упадка, являющийся выражением упадка; являющийся выражением упадка энергии, активности, свидетельствующий о неверии в свое дело, об усталости’) [6];

2) упадочный дух книги распознается не сразу;

3) эта книга замечательная.

Ирония проявляется в том, что книга оценивается положительно («замечательная») по негативному признаку упадочности.

Ирония бывает *истинной* (когда объект насмешки ничтожен и сам в себе носит возможность быть осмеянным) и *ложной* (когда объект делает ничтожным сам иронизирующий, разрушая высокое и достойное) [2].

В случае ложной иронии **отношение** иронизирующего к объекту начинает приписывать эти свойства самому объекту.

Из оценок других людей мы не можем узнать, действительно ли книга П.А. Флоренского «провоцирует» осмеяние самой себя, поскольку, как мы показали выше, эти оценки субъективны. Но субъективная оценка в этом высказывании представлена говорящим как истинная (то есть отношение Бердяева к книге Флоренского «навязывает» эти свойства самой книге). Поэтому мы рассматриваем иронию Н.А. Бердяева как ложную.

Следующая фраза характеризует не столько книгу П.А. Флоренского, сколько отношение Бердяева к православию: *«В его книге так много традиционно-православного недоброжелательства к людям и к миру, но в форме стилизованного, эстетического негодования против еретической жизни и еретической мысли».*

Это высказывание также содержит несколько утверждений:

- 1) для православия традиционно недоброжелательство;
- 2) в книге Флоренского много традиционно-православного недоброжелательства;
- 3) недоброжелательство к людям и к миру представлено в форме «стилизованного, эстетического негодования».

Этот вывод также не подтвержден цитатами из книги. По этому высказыванию мы не можем сделать вывод, что православие действительно недоброжелательно к людям, но то, что Бердяев считает его таковым, очевидно.

Рассмотрим еще несколько высказываний:

«Очень враждебна эта книга *новой религиозной жизни, духу творческому*»;
«Свящ. Флоренский с огромными духовными усилиями заглушил в себе *ростки новой жизни*, умертвил в себе *новую душу*».

В приведенных высказываниях присутствует так называемая *оппозиция с нулевым членом* [1]. То есть говорящий прямо не выражает противопоставление «*новая религиозная жизнь*» — «*старая религиозная жизнь*», «*новая душа*» — «*старая душа*», «*дух творческий*» — «*дух нетворческий*». Но по контексту мы понимаем, что такая оппозиция существует. И поскольку труд Флоренского негативно оценен на основании его враждебности, вероятно, что сам Бердяев причисляет себя как раз к представителям «*новой религиозной жизни*» и носителям «*духа творческого*» и «*новой души*».

Проблема творчества затрагивается и в следующих оценках:

«Это — православие сложных и рафинированных эстетических отражений, а не непосредственной *творческой* жизни...»;

«Большой и тонкий ум, глубокая и изысканная ученость — и *творческое* бессилие»;

«В книге его... даже не затронута религиозная проблема о человеке, о *творческом* призвании человека в мире...».

Исходя из того, что «отсутствие» творческого начала в книге Флоренского вызывает критику, мы делаем вывод, что в системе ценностей Бердяева важное место занимает творчество.

И, наконец, еще одна характеристика книги П.А. Флоренского:

«Свящ. Флоренский очень последовательно не любит *героического начала*...»;
«Отрицание *жизни героической* и эстетическое упоение обыденностью, провинциализмом жизни, тихостью будней очень стильно для архаического православия свящ. Флоренского»;

«Он не способен к *героическому выбору*, как всякий упадочник, и не способен к творческому синтезу».

Здесь также есть оппозиция с нулевым членом (*не способен к героическому выбору* — *способен к героическому выбору*). Флоренский критикуется за *неспособность* к героическому выбору. Отсюда мы выводим, что Бердяев ценит такую способность.

Итак, у нас получилась, по крайней мере, приблизительная картина ценностей Н.А. Бердяева: он не приемлет традиционное православие, называя его «недоброжелательным к людям», он придает большое значение в жизни творчеству и героическому началу, он считает себя представителем новой религиозной жизни.

Общеизвестно, что Н.А. Бердяев был представителем так называемого «нового религиозного сознания». И мы в рамках данной статьи не претендовали на первооткрытие этого факта. Нам было важно показать, что если бы мы ничего не знали о мировоззрении Бердяева, то смогли бы узнать его особенности из его же высказываний о, казалось бы, стороннем объекте. Важно отметить, что нигде в рассматриваемых высказываниях Бердяев не говорит прямо о *своих* ценностях и идеалах. Эта информация представлена опосредованно.

Таким образом, в настоящей работе мы попытались доказать, что высказывание характеризует не столько объект оценки, сколько самого говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Валентинова О.И.* Эстетика и лингвистика полифонии. — М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2001.
- [2] *Гегель Г.-Ф.* Эстетика. — М., 1973. — Т. 4. — С. 488.
- [3] *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. — М.: Канон+, 2002.
- [4] *Ли В.С., Карымсакова Р.Д., Тапалова Р.Б.* Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике. — Алматы, Казак университеті, 2008. — С. 60.
- [5] *Свящ. Павел Флоренский.* Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. — С. 862—888.
- [6] Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4: С — Я. — М.: Русские словари, 1995.
- [7] Философская энциклопедия. — М., 1970. — Т. 5. — С. 197.
- [8] *Флоренский П.А.* Иконостас. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010.

STATEMENT AS A FACT OF SELF-CHARACTERIZATION OF THE SUBJECT OF THE SPEECH

E. Yu. Medvedev

General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty

People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In article an attempt is made to prove that the statement characterizes not so much what it is spoken, but how much it was spoken. The author shows the mechanism of the emergence of irony, the process of destruction speaking high meanings and how it can be connected with features of outlook speaking.

Key words: statement, self-characterization, false irony, true irony, assessment, predicating, outlook.

REFERENCES

- [1] *Valentinova O.I.* Estetika i lingvistika polifonii. — M.: Izdatelstvo Rossiyskogo universiteta družby narodov, 2001.
- [2] *Gegel H.* Estetika. — M. 1973. — T. 4. — S. 488.
- [3] *Dubrovskiy D.I.* Problema idealnogo. Subyektivnaya realnost. — M.: Kanon+, 2002.
- [4] *Li V.S., Karymsakova R.D., Tapalova R.B.* Lingvisticheskoye issledovaniye konfliktnogo teksta v yuridicheskoy praktike. — Almaty, Kazak universiteti, 2008. — S. 60.
- [5] *Svyasch. Pavel Florenskiy.* Stolp i utverzheniye Istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pismakh. — M.: Akademichesky Proekt; Gaudeamus, 2012. — S. 862—888.
- [6] Tolkovy slovar russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. D.N. Ushakova. T. 4: S—Ya. — M.: Russkiye slovari, 1995.
- [7] *Filosofskaya entsiklopediya.* T. 5. — M., 1970. — S. 197.
- [8] *Florenskiy P.A.* Ikonostas. — SPb.: Izdatelskaya Gruppya «Azбука-klassika», 2010.